

Алексей Тарновицкий

Алексей Тарновицкий

УБЬЮ КОГО ХОЧУ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т21

Фото автора из личного архива.

Дизайн оформления обложки – Екатерины Ферез.

Тарновицкий, Алексей Владимирович
Т21 Убью кого хочу / Алексей Тарновицкий. — Москва:
АСТ, 2015. — 318, [2] с.
ISBN 978-5-17-089708-7

Ленинградская студентка Саша Романова, отличница, умница, всегда мечтала о любви. И вдруг на пятом курсе у нее случился настоящий роман! Кто же он, ее принц и герой?! Робкий очкарик, маменькин сынок... Да, искренне любящий! Но рядом его мамочка, готовая к любым битвам за свое сокровище. Что делать? Нужно удрать на Кавказ! Лето... Свобода... Его ладони, полные спелых вишен... И так хочется «тех самых слов», но он почему-то молчит. А тут еще этот красавец-чех... Неужели и он влюблен?

Что ж, любовь — это всегда выбор...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Тарновицкий, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

1

Сначала я слышала только ходики. Вернее, нет, не так: сначала я сообразила, что в наступившей тишине слышу только ходики. Из этого можно было сделать осторожный вывод о том, что ко мне вернулась способность соображать. Почему осторожный? Потому что быть такого не может, чтобы в такой комнате такого дома, находящегося в таком районе, были бы среди бела дня слышны только ходики. Это просто неправдоподобно. Где, спрашивается, непрерывный бубнеж вечно включенной на кухне радиоточки? Где песня про «мой адрес — Советский Союз», доносящаяся сквозь стену из соседней квартиры, справа? Где шум семейной ссоры из соседней квартиры слева через лестницу? Где дробная беготня по потолку из квартиры сверху и кошачьи вопли из подвала снизу? Где сложный шум двора за невымытым окном: детский плач из песочницы, перебранка бабок на скамейке, стук доминошных костяшек и матерные выкрики подвыпивших подростков? Где все это?

Нет, размеренный гром ходиков заглушал все остальное. Они висели прямо передо мной — старые настенные часы с ржавой продолговатой гирей и круглым маятником, на который был прилеплен портрет кудрявого октябрятского Ленина. Ленин раскачивался взад-вперед и явно избегал встречаться со мной взглядом. Честно говоря, я его понимала. Я и сама побаивалась предстоящей встречи с зеркалом.

Отчаявшись установить зрительный контакт с вождем революции, я посмотрела вниз, под ноги. Лужа крови расплзлась по полу, неумолимо подбираясь к моим туфлям. Что сказала бы в такой ситуации мама?

— Встряхнись, Сашка! — вот что сказала бы мама в такой ситуации. — Немедленно встряхнись и подбери сопли. У тебя еще уйма дел в этой жизни.

Да, у меня еще уйма дел. Я закрыла глаза, тряхнула головой и несколько раз глубоко вздохнула, стараясь выдохнуть всё без остатка, так, чтобы живот прилипал к позвоночнику. Где-то я слышала, что от этого яснее в мозгах. Хотя, какая может быть связь между мозгами и прилипшим к позвоночнику животом? Никакой. Тик! Так! Тик! Так! Назойливый гром ходиков по-прежнему долбил меня по макушке, но теперь к нему прибавилось еще и головокружение. Я поскорей открыла глаза. Кудряшка Ленин продолжал игнорировать меня, впусую болтаясь туда-сюда, как обезьянка на ветке.

«Тоже мне, вождь, — обиженно подумала я. — Вождь, а вождь... пожалуйста, выведи меня отсюда. Ну что тебе стоит?»

Последние слова я зачем-то решила произнести вслух, и это, к моему изумлению, помогло. Что-то

щелкнуло в правом ухе, и, словно прорвав плотину, на меня нахлынул целый водопад, потоп, наводнение звуков. Оглушительно завопил соседский проигрыватель: «Колеса диктуют вагонные...» Одновременно встряла из кухни радиоточка, словно желая уточнить, что именно диктуют колеса: «...расскажут о трудовых успехах передовиков производства». Сверху по потолку звонко протопали чьи-то маленькие башмачки, а со двора донеслось, наконец, все то, что и должно доноситься оттуда в хороший майский денек в два часа пополудни. Может, так же вернется в норму и все прочее?

Я скосила глаза вниз, к полу. Нет, лужа крови как была, так и осталась — ну, разве что, приостановила наступление на мои туфли. Как это все получилось, почему, с чего вдруг? Уму непостижимо... Головокружение прошло, зато теперь в пустом пространстве между ушами запели — заговорили два соперничающих голоса. У меня так часто бывает: как будто я вдруг расщепляюсь внутри на два совершенно разных, но одинаково скандальных существа: на меня-умную и меня-дуру. Две этих крикуньи откровенно не переваживают друг дружку. Обычно они занимаются тем, что просто бранятся во все горло. Сейчас кричала в основном я-умная.

— Уму непостижимо?! — возопила она. — А чего непостижимо-то, чего непостижимо, дубина ты стонеросовая, ротозейная ряшка?! Ошиблась адресом, вот тебе и вся непостижимость. Катька тебе как сказала? Улица Партизана Кузькина, дом 7-а, квартира 31. Или 7-б?.. Наверно, все-таки, 7-б... А ты куда приперлась? Да черт его знает, куда, только уж не в Катькину квартиру, это стопудово. У Катьки разве возмо-

жен такой, с позволения сказать, ханыжный интерьер? Такие ходики с кудрявым октябренок на стене? Такой колченогий стол, уставленный грязными захватанными стаканами, заваленный клочками промасленной газеты вперемежку с обглоданными селедочными хребтами и пустыми консервными банками из-под рыбного «Завтрака туриста»? И вообще, Катька курит болгарские «Родопи» — в крайнем случае, «Аэрофлот», — но уж никак не «Беломор», чьи заломленные-закушенные бычки повывставляли тут свои рога из острозубых пастей всё тех же консервных банок...

Вывод? Вывод прост: никакая это не Катькина хата. Точка, конец сообщения, как сказал бы Анатолий Анатольевич Тимченко, наш убийственно сексапильный преподаватель по компьютерной связи. Ладно, тогда спрашивается: а что же это? Этот дурацкий вопрос, заданный мною-дурой мне-умной, окончательно вывел меня-умную из себя-умной.

— Ты что, совсем с дуба рухнула?! — мысленно заорала я-умная на себя-дуру. — Ну какая разница, что это? Важно, что тут лежат три трупа, свеженьких, как щечки октябренка с кудрявым значком. Важно, что мы обе — ни дура, ни умная — ни в жисть не сможем объяснить этот факт никому, особенно, милиции. Важно, что отсюда надо сматываться, и побыстрее, как из страшного сна, — сматываться, чтобы потом никогда и никому не признаваться, что этот сон тебе приснился. Поняла?!

Поняла. Я метнула быстрый взгляд влево и тут же отвела глаза. Ну и картина! Прямо Васнецов, «После побоища» — или как она там называется. Даже круче. До этого мне еще никогда не приходилось видеть

мертвецов, но, тем не менее, я ни капельки не сомневалась в том, что тела на полу ничуть не живее картинных васнецовских витязей. Можно смело вызывать черного ворона или кто там над ними летает. Стараясь больше не смотреть в ту сторону, я осторожно присела на краешек дивана. Сматываться, конечно, надо, но только не в панике. Паника еще никому не помогала — ни дурам, ни умным. Нужно немедленно встряхнуться, подобрать сопли и всё хорошенько обдумать.

Начнем с начала. Как я дошла до жизни такой? Ну, это относительно просто. Мы с Катькой договорились заканчивать курсовую работу по деталям машин. Обычно мы всегда занимаемся у меня, но тут она вдруг заартачилась. Почему, мол, опять у тебя? Почему, мол, хотя бы разик не у меня? Вопрос, честно говоря, идиотский, ибо прямой ответ на него ясен даже самому тупому ежу. Мы с мамой живем на Крюковом канале, недалеко от института, пешком двадцать минут. А Катька с ейными предками — у черта на куличиках, не то в Дачном, не то в Лигово. «Дачное»... «Лигово»... — я и слов-то таких не знаю. На Байкале бывала, в Средней Азии, в Крыму, на Кавказе, а вот в Дачном и в Лигово — нет, не приходилось. Хотя, вроде как тоже Ленинград в географически-муниципальном смысле. Ладно, Ленинград. Но какой, спрашивается, смысл переться туда-обратно сорок минут на метро с пересадкой, потом еще столько же на двух автобусах и на закусочку — четверть часа пешедралом? Какой смысл проделывать это путешествие за три моря при наличии хаты на Крюковом? Никакого. Это раз.

Кроме того, у меня отдельная комната с хорошим кульманом и гостиная с большущим обеденным сто-

лом, на котором можно разложить все конспекты, учебники и чертежи, и никто даже не пикнет. Мама приходит только под вечер, но и тогда ходит вокруг на цыпочках и осмеливается побеспокоить наши ситательные персоны лишь нижайшей просьбой откушать бульон с пирожками или хотя бы яблочко. А что наличествует у Катьки в ее запредельном Лигово, где некогда подстерегали врага героические партизаны Кузькины? У Катьки — трехкомнатная квартирка, где, помимо нее и предков, обитают малолетний хулиганистый брат Вадик, дед-в-обед-сто-лет и две бабушки-старушки с обеих родительских сторон. Там, по Катькиным же словам, не то что чертежи разложить — ногу поставить негде! Это два.

Но вот ведь, попала подружке вожжа под хвост. А уж если Катьке что под хвост попало, то вылетит — не поймашь. Просто такой период у нее нервный выпал: поссорилась со своим Мишкой, братец Вадик вконец достал сестренку фирменной лиговской простотой, окончательно развалились любимые югославские сапоги, накопились неприятные хвосты по зачетам, и, вдобавок ко всему прочему, еще и нарисовалась угрожающая задержка с тем, что, по идее, должно работать, как часы, с отрадной ежемесячной регулярностью. По всему по этому я даже не стала спорить. Чего не сделаешь ради подруги...

Как видно, Катька не ожидала столь быстрого моего согласия и оттого даже предложила встретиться меня на автобусной остановке. Мол, дома у нас одинаковые, особых примет нет, за исключением пивных ларьков, да и те растут только на углах, а идти-то надо внутрь, в глубь микрорайона, не заблудиться бы. Тут бы мне, дуре, и согласиться. К несчастью, моя убо-

гая соображалка в тот момент глухо спала, опьяненная сознанием беспрецедентного благородства своей хозяйки.

— Не бойсь, Катерина! — уверенно отвечала я. — Как-нибудь доберусь. В крайнем случае, язык до Киева доведет.

— До Киева тебе не надо. Да и проще до него, до Киева. Ты адрес-то записала? — спросила Катька. — Там у меня во дворе холм. Особая примета. Запомнишь? Лучше запиши.

Ее уже явно мучили серьезные сомнения. Думаю, что если бы в ту минуту я слегка поднажала, то всё вернулось бы на круги своя, к темным водам Крюкова канала, большому обеденному столу и бульону с пирожками. Но я, повторяю, слишком тащила тогда от ощущения собственной героической жертвенности.

— Я пока еще не сенильная, записывать. Так запомню. Выходить на следующей остановке после бульвара Неизвестного Солдата. Улица Партизана Кузькина, дом 7-а, квартира 31, на холме. Правильно?

— 7-б! — простонала Катька, закатывая глаза. — Не 7-а, а 7-б! Как говорит мой братец-ублюдок Вадик, в этом доме только «б» и живут. Шуточка такая — дурацкая, зато запоминающаяся. Только «б» и живут. Запомнишь?

— Аск! — беспечно заверила я на чистейшем аглицком языке. — Спрашиваешь!

Но день спустя, сойдя на углу улицы Партизана Кузькина и проспекта Отважных, я уже на все лады проклинала свою глупую беспечность. Проспект Отважных, так его растак... здесь, в краю партизан и неизвестных солдат, безусловно, могли выжить только

самые отважные. У них-то наверняка все было рассчитано по минутам и по шагам: где следует залечь и затаиться, а где, наоборот, сделать короткую ударную перебежку к автобусу. Неудивительно, что в этих дальних краях, где, как в песне, кончаются рельсы метро, я выглядела совершеннейшей недотепой. Потратила уйму времени на то, чтобы найти нужную остановку. Опоздала ввинтиться в толпу, штурмующую заднюю дверь. Долго ждала следующего автобуса; они ходили так редко, как будто их всех пустил под откос партизан Кузькин. К моменту начала финального маршброска от угла до двери Катькиной квартиры я уже провела в дороге без малого два с половиной часа и чувствовала себя совершенно измученной.

Угол Кузькина и Отважных был гол, безлюден и, наверно, хорошо простреливался в партизанские времена. Справа от меня уходило к горизонту серо-коричневое кочковатое пространство, поросшее редким невысоким кустарником и телеграфными столбами, вытянувшимися по стойке «смирно» вдоль железнодорожной насыпи. Зато сзади и спереди виднелись жилые микрорайоны. Издали, с остановки, они казались настоящими форпостами городской цивилизации. Вспомнив наставления Катьки, я крепче прижала локтем тубус с чертежами и двинулась вслед за немногими сошедшими вместе со мной пассажирами.

Днем раньше над городом пролетел светлый весенний дождик — быстрый и приветливый, под стать ленинградскому маю. В центре города мостовые почти сразу подсохли, но здесь осенняя грязь решительно отказывалась сдаваться. От остановки к жилью вела широкая, вся в коричневых лужах, тропа, испещ-

ренная размазаннами отпечатками обуви. Мне сразу припомнилось из летнего дачного детства: похожие следы оставляет коровье стадо на заливном лугу возле водополя. Правда, мои попугчики, в отличие от деревенских коров, не ломились по лужам напрямик, а продвигались сложными зигзагами, норовя попасть ногой туда, где посуше. Судя по сдавленной ругани, которая слышалась тут и там, получалось далеко не у всех. Не вышло и у меня: до асфальта в проходе между крайними домами я добралась, перемазавшись едва ли не до колена.

Грязь была под стать партизанской глубинке: в этой липкой тяжелой глине с гарантией увяз бы любой иноземный захватчик. Убедившись в невозможности отчистить обувь в полевых условиях, я впервые подняла глаза от тропы и сразу осознала, что мое первое впечатление насчет форпоста цивилизации было не совсем верным. Микрорайон состоял из пятиэтажек постройки начала 60-х, именуемых в просторечии «хрущобами». Как объяснила мне Катька, двадцать лет назад предполагалось, что они представляют собой временное решение и должны простоять всего лишь до наступления коммунизма, то есть совсем недолго. Неудивительно, что отсрочка всеобщего благоденствия стала для Катькиного микрорайона полной неожиданностью. Видимо, это настолько опечалило многие дома, что их стены пошли крупными трещинами. Трещины латали битумом, отчего некогда беленькие пятиэтажки приобрели вычурную полосатость и напоминали сбившееся в кучу стадо зебр.

И вот теперь я, зажав под мышкой тубус с курсовой работой, бессильно влачила меж этих зебр, как

загнанная, перемазанная по самое брюхо антилопа. Влачила, безуспешно пытаясь припомнить номер Катькиного дома. В самом деле: 7-а или 7-б?

— Ну что было не записать? — горько пеняла я-умная себе-дуре. — Ты ведь полная дура, тебе всё надо записывать!

— Вот и записала бы, если ты такая умная, — огрызнулась я-дура.

— Но ты хоть что-нибудь помнишь? Хоть что-нибудь?

— По-моему, 7-б, — отвечала я-дура.

— Почему?

— Потому что Катькин дебильный братик дразнит ее этим «б». Мол, в этом доме одни «б» и проживают.

— Глупости, — фыркнула я-умная после минутного раздумья. — Если в доме проживают одни «б», то это распространяется и на братца. А обзывать самого себя не станет даже такой законченный дебил, как Катькин Вадик. Вывод? Катька живет в доме 7-а. Точка, конец сообщения.

— Да, но... — робко начала я-дура, но была немедленно и грубо оборвана мной-умной:

— Молчи, дура! Без тебя тошно!

Насчет квартиры сомнений не было: четвертая парадная, первый этаж направо. Большая часть пространства хрущобного Катькиного двора была занята огромным холмом странной формы. Холм напоминал слона, издохшего от тоски в недружественном окружении зебр.

— Может, там и впрямь кроется слон... или даже мамонт... — вяло фантазировала я-дура, разглядывая номера домов.

— Ерунда! Это всего лишь могильник строительного мусора, — отмахнулась я-умная. — Лень было вывезить, вот и осталось... ты номера смотри, номера!

— Я смотрю...

— Вот и смотри. Все равно больше ни на что не годишься.

Рядом со слоном высилась монументальная кирпичная помойка и серый железный гараж. С противоположной стороны холма стоял дощатый стол. Четверо мужиков в ватных телогрейках громко забивали «козла», еще столько же спортсменов «болели», ожидая своей очереди. Оставшееся место занимали несколько чахлах тополей, детская песочница и покосившаяся карусель, на чьих стальных прутьях примостилась стайка приклатненных подростков. Один из них тренькал по гитаре и орал: «Шиз годес! Шиз годес!». Остальные «шизы» подпевали или просто угрюмо молчали, свесив хмельные бедовые головы.

На лавочке у четвертой парадной плотно, бедро к бедру, восседали пять разномастных, разновозрастных, но при этом поразительно одинаковых женщин и что-то оживленно обсуждали, поминутно всплескивая руками. Увидев меня, они разом замолчали. Если бы взгляды могли сверлить, я точно превратилась бы в решето, еще не достигнув подъезда. Но к счастью, дрели работали вхолостую, и я поспешной антилопой проскользнула мимо, семена постыдно грязными ногами и радуясь, что направляюсь в дом 7-а, а не 7-б. Такая грязная, да еще и в 7-«б» — это уже, знаете, слишком...

В парадняке витала стойкая смесь запахов при вокзального сортира, продуктов кошачьей жизнедея-